

УДК 271.2

Степанов В.П.,
*доктор исторических наук, профессор,
 ведущий научный сотрудник института славяноведения РАН,
 заведующий кафедрой социальных наук и этнонациональных процессов,
 Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Memory studies в этнологическом изучении этноконфессиональных сообществ. Опыт исследования старообрядчества (Рецензия на монографию Душакowej Н. С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом)

DOI:
10.33979/2587-7534-2023-1-173-179

В статье предлагается обзор исследовательских подходов в рамках Memory studies – исследований исторической, а шире культурной памяти. Автор рассматривает специфику этого подхода на примере монографии Н.С. Душакowej, посвященной старообрядческой традиции исторических воспоминаний.

Ключевые слова: *Memory studies, культурная память, старообрядцы, Н.С. Душакowa.*

Stepanov V. P.,
*Doctor of Historical Sciences, Professor,
 Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Head
 of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes,
 Orel State University named after I.S. Turgenev*

Memory studies in the ethnological study of ethno-confessional communities. Experience in the study of the Old Believers (Review of the monograph by Dushakova N. S. Living history: how the Old Believers remember their past)

The article offers an overview of research approaches within the framework of Memory studies - studies of historical, and more broadly cultural memory. The author considers the specifics of this approach on the example of the monograph by N.S. Dushakova, dedicated to the Old Believer tradition of historical memories.

Keywords: *Memory studies, cultural memory, Old Believers, N.S. Dushakov.*

В исторической науке редко встречаются постоянно актуальные проблемы. Наука – «дама» капризная, в том числе с сиюминутными изменениями интересов, которые во многом зависят от массы факторов, начиная

от общей тенденции развития отдельной дисциплины, а также влияния социально-экономической, политической конъюнктуры и личных устремлений автора. Но есть в исторической науке, а шире, допустимо сказать – в гуманитарном знании, тема, вокруг которой развивается целый комплекс научных направлений: философии, археологии, этнологии, социологии, – это память. Если быть точным – культурная память! Не случайно, целая плеяда известных исследователей из разных областей гуманитарного знания заострили внимание на разных аспектах этого явления: П. Нора [Нора, 1999; Нора, эл. ресурс, 2005], М. Хальбвакс [Хальбвакс, 2007], Я. Ассман [Ассман, 2004], Э. Хобсбаум [Hobsbawm, 1992], П. Берк [Берк, эл. ресурс, [20.04.2015](#)], Р. Тердиман [Terdiman, 1993] Ю. Лотман [Лотман, 1992: 200–202] и др.

В своих исследованиях П. Нора и П. Берк останавливают свое внимание на изучении феномена памяти разного рода меньшинств. Данный взгляд на историческую и культурную память демонстрирует то, что любое общество неоднородно и одновременно способно, обращаясь к прошлому, вырабатывать общие ценности, отталкиваясь, в том числе, от знаковых «мест памяти» (термин введен П. Нора); сохраняя при этом корпоративные ценности, значимые для отдельной части сообщества...

Сегодняшний мир характеризуется активизацией миграций, давая исследователям дополнительную пищу для размышлений и выработки свежих теорий, подчеркивающих, в том числе, тревожность, складывающуюся в умах отдельной части аналитиков и практиков. Вспомним, к примеру, теорию прекариата Гая Стэндинга [Стэндинг, 2014]. Было бы ошибкой утверждать, что настороженное и даже порой враждебное отношение к мигрантам является только данностью современности. Отнюдь! Значительное число мигрантов-староверов, хлынувших искать защиту от преследования Никоновских реформ, осело в отдаленных уголках России, освоило ближние и более отдаленные земли вне русского государства. Вера выступила главным двигателем переселения. Происходило это на протяжении нескольких столетий, начиная с XVII в. Общество тогда было наполнено доминирующим религиозным сознанием, во многом предопределявшим поведение. Консервативные староверы длительное время самозамыкались в иноэтничном окружении, тем самым консервируя в себе собственную культуру. Одновременно, время делало свое дело, несмотря на самоограничения, староверы естественно вступали во взаимоотношения с проживавшими по соседству народами...

Перевернута последняя страница книги исследовательницы Натальи Сергеевны Душаковой, которая посвящена исследованию памяти в религиозном сообществе староверов. Опираясь на опыт многолетней экспедиционной работы и кабинетного анализа, исследовательница осуществила удачную попытку выстроить собственное видение в деле изучения проживаемой истории. Исследование Натальи Душаковой свидетельствует о том, что теоретико-методологические наработки не стоят на месте. Это подтверждает первая глава исследования, в которой автор не просто рассматривает основные теоретические наработки в области изучения истории повседневности и исторической памяти

как научного направления. Первая часть монографии, в немалой степени и научная саморефлексия автора книги, которая, аккумулировав теоретические наработки коллег, выработала для себя методологию работы с респондентами и схему анализа накопленного богатого и разностороннего материала.

Автор обращает внимание на значимость не только изучения проживаемой истории, обращая внимание на не менее важный в аналитической работе процесс реконструкции рассказанного респондентами, с учетом накладывающихся на современность воспоминаний устной истории. Отсюда вытекает поставленная автором перед своим исследованием задача: «отталкиваясь от идеи о непрошедшем прошлом, в этой книге я рассматриваю и то, в какую картину складываются отдельные элементы прошлого и как они переосмысляются при столкновении с настоящим, как корректируется историческая память под влиянием актуальных событий» (с. 25). При этом автор конкретизирует, что ее «интересует не столько религиозное измерение политики исторической памяти, сколько то, что собой представляет память об истории для верующего человека» (с. 36). Для осуществления этого Наталья Сергеевна использует, как она выражается, «три регистра прошлого – автобиографические воспоминания (память-опыт); память о более удаленных событиях и, наконец, – постпамять, – те воспоминания, которые передавались очевидцами последующим поколениям. Автор использует понятие «проживаемая история». Говоря о ней, Н. Душакова в своем анализе останавливается на воспоминаниях респондентов о прошлом «и связанных с ним практиках, на роли актуального прошлого в современных старообрядческих сообществах – на сложных мнемонических процессах, связанных с проживанием своего прошлого как на групповом, так и на индивидуальном уровне» (с. 60).

Выше уже обращалось внимание на специфику старообрядческой среды, одной из характеристик которой выступает этноконфессиональная замкнутость, которая не может не проявляться в интерпретации исторического наследия. В этом контексте Душакова справедливо обращает внимание на проблему доверия к трансляторам прошлого: «сложности мотивировались тем, что различные аспекты истории и культуры кажутся значимыми для старообрядца и нестарообрядца» (с.46). При этом, следует обратить внимание на то, что старообрядцам свойственна книжность. Грамотность является одной из характеристик этой этноконфессиональной общности. Наталья Сергеевна справедливо отмечает, что старообрядцы внимательно следят, в том числе за трудами исследователей, изучающих их историю и культуру. Читают книги и сборники и критически оценивают их.

Рассуждая о трансляции прошлого староверами, Н. Душакова обращает внимание на значение в народной интерпретации роли предметной памяти, когда носитель культуры, рассуждая об историческом прошлом, соотносит с ним конкретные материальные предметы, выступающие, по мнению респондентов, трансляторами их идентичности (русская печь, самовар, сарафан, старые фотографии, религиозная литература и т. п.). «Часто предметы/вещи, хранящиеся в домах, которые старообрядцы показывают, рассказывая о своем

прошлом, маркируются их владельцами как этноконфессиональные (старообрядческие) или этнические (русские) вещи. Соответственно, они наделяются высоким семиотическим статусом» (с. 56).

Рассуждая о теории, автор умело и аргументированно использует экспедиционный опыт в аргументации выбранного пути. Если первая часть исследования Н. С. Душакловой больше посвящена теоретическому осмыслению различных подходов в изучении культурной памяти и определению в этом ряду места данной работы, то вторая часть книги больше охватывает богатый полевой опыт автора, подкрепляемый прочной теоретической базой. Второй раздел книги посвящен анализу основных базовых сюжетов, значимых и знаковых для старообрядцев Северо-Западного Причерноморья в интерпретации их прошлого: память о расколе и патриархе Никоне у староверов Молдовы; воспоминания о расколе и митрополите Амвросии среди старообрядцев Румынии; воспоминания о миграции; о ссылке в истории старообрядцев Молдовы, память и постпамять об антирелигиозной политике – это далеко не полный список маркеров, вокруг которых формируются и транслируются воспоминания у изучаемой этносоциальной общности старообрядцев, проживающих в разных странах (Румынии, Молдове, юге Украины), где работала в экспедициях Наталья Душаклова.

Безусловный интерес вызывает третья часть книги «Мнемонические сообщества: память о принадлежности и выстраивании групповых границ». В данном разделе автор задается вопросом: «как в настоящее время память об истории и групповом прошлом влияет на процессы самоидентификации, механизмы включения и исключения из сообществ, иными словами, влияет на то, как происходит разделение на "своих", "других", "чужих"» (с. 125).

Рассматривая проблему групповой идентичности, автор фокусирует внимание на том, какие внешние наименования сообществ старообрядцев существуют параллельно с самоназваниями и переходят одно в другое, а также какую роль в самоидентификации играют представления об общем прошлом (с. 126). Н. Душаклова выделяет в изучаемом регионе несколько групп старообрядцев, использующих разные самоназвания: *кацапы*, *липоване* (при этом соседние народы тоже используют подобные названия для выделения представителей этих сообществ). Опираясь на подробный анализ полевого материала и имеющиеся теоретические наработки, исследовательница приходит к выводу о том, что этноконфессионализмы *липоване* и *кацапы* зачастую воспринимаются синонимично, при этом автор обращает внимание на то, что «имеет место территориальное разграничение: *липоване* – это старообрядцы, проживающие в Румынии» (с. 136). Одновременно, сама автор отмечает ранее в тексте, что так именуют старообрядцев на юге Молдовы и в Одесской области. В начале книги Н. Душаклова, подробно освещая историографию проблемы, называет журнал «Липоване», издаваемый в Одессе профессором А. А. Пригариним.

В данном разделе рассматриваются и менее распространенные (региональные) самоназвания старообрядцев: *кержаки*, *макогоне* и др.

Автор не ограничивается анализом региональных самоназваний и связанных с ними исторических нарративов, лежащих в основе этноконфессиональной саморефлексии и выстраиваемой народом памяти о прошлом. Во второй части третьей главы Н. Душакова берет еще одну «высоту», пытаясь рассмотреть, на мой взгляд, успешно, специфику внутрискорообрядческого взаимодействия расколовшихся сообществ староверов, на примере села Серикей в Румынии (пепежники и раздорники) и г. Тирасполя в Республике Молдова (самопровозглашенная Приднестровская Молдавская Республика) – скорообрядцы из *большой и малой церкви*.

На примере Серекья автор отмечает поддержание местными жителями своей этноконфессиональной идентичности, опираясь на память о прошлом, – указывая первым делом на местный раскол, связанный с основанием белокрыницкой иерархии. При этом, Наталья Сергеевна подчеркивает, что в самом селе разделение явственно, а вот переселенцы из Серикей в России относятся к выходцам из села как к своим, вне зависимости от принадлежности к новозыбковскому согласию (с. 146). Что же касается городского населения, то, на примере г. Тирасполя, Н. Душакова демонстрирует более терпимое отношение представителей внутрисконфессиональных сегментов в гетерогенной идентичности скорообрядческого городского пространства (с. 153). «Посещая одну и ту же действующую церковь, переселенцы из соседних сел называют себя кацапами, а те, которые переехали из Румынии, – липованами, демонстрируют конкурирующие версии прошлого, отличаются на уровне повседневных практик, но при этом сформировали сходные образы локальной истории» (с. 168).

Конечно, исследование о скорообрядах Северо-Западного Причерноморья не может обойтись без метода имагологии. Данное, сравнительно молодое направление в исследовании прошлого представляет собой изучение коллективных представлений об образе чужого, образе иностранца (который зачастую, в силу инаковости выступает в образе врага), функционирующих в общественном сознании и носящих индивидуальный характер подобных представлений [Лапина, 2019]. В этом контексте Н. Душакова выявляет культурные нормы и фрагменты памяти «о том, как они регулировали поведение в области взаимодействия с иноконфессиональным окружением (с. 153). На богатом фактологическом материале автор демонстрирует динамику запретов и ограничений, подверженных постоянным ограничениям. Из исследования Н. Душаковой можно сделать вывод, что наиболее устойчивыми запретами при общении с представителями иноконфессиональных сообществ являются: требования отдельного мытья в бане с представителями других конфессий; запрет использования общей посуды; возбранение совместных трапез. Причем, во время постов строгость запретов усиливается. При этом автор подчеркивает, что «несмотря на то что запреты часто нарушаются, во всех скорообрядческих общинах распространено знание о правилах ограничения контактов с иноконфессиональным окружением при достаточно размытых представлениях о признаках других религиозных групп» (с. 163–164). Автор демонстрирует глубокое знание предмета и владение

полевым материалом. Справедливо прозвучало мнение Натальи Душаковой о том, что исследование проживаемой истории никогда не может быть завершённым. Книга исследовательницы выступает дополнительным и богатым источником информации в области *memory studies*, раскрывая специфику сохранения исторической памяти в религиозных сообществах, укрепления конфессиональной и внутриконтфессиональной идентичностей, выделения *себя и своих* в иноэтничном и иноконфессиональном окружении.

Монография Н. С. Душаковой встретит безусловный интерес в среде специалистов занимающихся изучением проблем *memory studies*, этноконфессиональной специфики старообрядчества, межконфессиональных и межэтнических отношений в полиэтнических сообществах.

Как подчеркивает сама исследовательница – изучение проживаемой истории представляет собой нескончаемый процесс. В этом контексте хочется пожелать автору новых работ, столь же интересных и насыщенных фактологией, какой получилась рецензируемая книга.

Список литературы

Ассман, 2004 – Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Берк, Эл. Ресурс, [20.04.2015](https://politconservatism.ru/experiences/mesta-pamyati-simvol-y-kollektivnoy-identichnosti?ysclid=ldckq16r8v756606086) – Берк П. Места памяти – символы коллективной идентичности. Интервью П. Берка с Ю. Наумовой // Русская истина - сайт консервативной политической мысли // <https://politconservatism.ru/experiences/mesta-pamyati-simvol-y-kollektivnoy-identichnosti?ysclid=ldckq16r8v756606086> (дата публикации: [20.04.2015](https://politconservatism.ru/experiences/mesta-pamyati-simvol-y-kollektivnoy-identichnosti?ysclid=ldckq16r8v756606086); дата обращения: 25.01.2023).

Лапина, 2019 – Лапина Л. А. Историческая имагология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета № 4 (85), 2019. С. 28.

Лотман, 1992 – Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202.

Нора, 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17-50;

Нора, Эл. Ресурс, 2005 – Нора П. Всемирное торжество памяти / Неприкосновенный запас, номер 2, 2005 // <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2?ysclid=ldlm613a58649546822> (дата обращения: 01.02.2023)

Стэндинг, 2014 – Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс [Текст] / Гай Стэндинг ; [перевод с английского Н. Усовой]. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.

Хальбвакс, 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Hobsbawm, 1992 – Hobsbawm E., Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge 1992. 320 p.

Terdiman, 1993 – Terdiman R. Present past: modernity and the memory crisis. Ithaca: Cornell University Press. 1993. 389 p.

УДК 39:2(470.56)

Ефимов Д.А.,

аспирант отдела религиоведения,

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН,
руководитель миссионерского отдела Уфимской епархии РПЦ, настоятель
храма «Всех скорбящих Радость» г. Уфы*

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-179-188

Краткий исторический очерк православия в Башкортостане: условия и особенности распространения среди народов республики

В статье рассмотрена история распространения православия на территории Башкортостана, выделены три основных этапа: 1) с середины XVI в. до Октябрьской революции 1917 г., 2) с 1917 г. до конца 1980-х гг., 3) с конца 1980-х гг. – по настоящее время. Особое внимание уделено условиям и особенностям распространения православия среди народов республики, а также миссионерской деятельности среди последователей ислама и традиционных этнических религий. Приведены статистические данные о количестве верующих-православных, культовых зданий Русской православной церкви.

Ключевые слова: *славянские, финно-угорские, тюркские народы, православные приходы, храмы, Уфимская епархия, Башкортостан.*

Efimov D.A.,

graduate student, Department of Religious Studies,

Institute for Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev UFRC RAN

Brief historical excursion of Orthodoxy in Bashkortostan: conditions and features of distribution among the peoples of the Republic

The history of the spread of Orthodoxy on the territory of Bashkortostan is considered, three main stages are identified: 1) from the middle of the XVI century to the October Revolution of 1917, 2) from 1917 to the end of the 1980s, 3) from the end of the 1980s to the present. Special attention is paid to the conditions and peculiarities of the spread of Orthodoxy among the peoples of the republic, as well as missionary